

К. Ю. Ерусалимский

Сборник
Курбского

Том I

Исследование
книжной культуры

ББК 83.3(0)4
Е 79

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ)
проект № 06-01-16217

Отв. редактор:
акад. РАО, проф. *С. О. Шмидт*

Научные рецензенты:
д-р истории, проф. *И. Граля,*
чл.-корр. РАН, проф. *С. М. Капитанов,*
д. и. н., проф. *И. В. Поздеева*

Ерусалимский К. Ю.

Е 79   Сборник Курбского. Т. I: Исследование книжной культуры. — М.:
Знак, 2009. — 888 с.

ISSN 1727-1630
ISBN 978-5-9551-0305-1

Исследование посвящено рукописным сборникам, в состав которых входит «История о князя великого московского делех». Они получили распространение в России в конце XVII в. и вызвали оживленный интерес читателей. Автор использует методы кодикологии и текстологии и на основе 85 ранее известных и нововведенных в научный оборот списков создает новую концепцию рукописной традиции, реконструирует первоначальный текст Сборника Курбского, описывает историю бытования дошедших до наших дней и несохранившихся списков, их читательские круги и общественный резонанс в конце XVII — начале XIX в., археографические проекты и издания сочинений князя А. М. Курбского, дискуссии XIX—XX вв. о подлинности и историческом значении этих сочинений.

Книга рассчитана на историков, филологов, книгovedов и читателей, интересующихся историей российской книжной культуры.

ББК 83.3

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

ISBN 978-5-9551-0305-1

© К. Ю. Ерусалимский, 2009
© Знак, 2009

ВВЕДЕНИЕ

Князь Андрей Михайлович Курбский, Ярославский и Ковельский — писатель, с именем которого связано создание большого числа популярных в русских землях Московии и Речи Посполитой литературных сочинений и переводов. Неугасающий интерес к личности Курбского в современной гуманитарной науке избавляет нас от необходимости намечать многочисленные контексты изучения этого литературного корпуса¹. В этой работе предпринято исследование того, какое место занимает в книжной культуре сборник сочинений князя Курбского, а также связанных с этой литературной коллекцией историко-культурных проблем. «Сборниками Курбского» принято называть рукописные кодексы, содержащие так называемую «Историю о Великом князе Московском»².

Как показывают многолетние архивные и историко-филологические исследования нескольких поколений ученых, сборники с *Историей* Курбского бытуют в рукописной традиции с последней четверти XVII века. Самые ранние из них относятся, по палеографическим данным и владельческим записям, к концу 1670-х — началу 1680-х годов. Однако среди ученых нет согласия ни о времени возникновения Сборника Курбского, ни о его первоначальном составе, ни о том, в какой именно последовательности происходило его развитие в рукописной традиции.

В центре нашего внимания будет определяющий текст для традиции «сборников Курбского», известный в науке как «История о Великом князе Московском». *История* сложна для изучения, прежде всего, из-за ее значительного объема.

---

¹ Следует отметить многостороннее исследование биографии и интеллектуальной деятельности А. М. Курбского и его окружения в Литве и на Волыни в работах И. Ауэрбах (см.: *Auerbach I. Andrej Michajlovič Kurbckij: Leben in Osteuropäischen Adelsgesellschaften des 16. Jahrhunderts.* München, 1985; *Idem. Russische Intellektuelle im 16. Jahrhundert. Andrej Michajlovič Kurbckij und sein Kreis // Kurbckij A. M. Novyi Margarit. Historisch-kritische Ausgabe auf der Grundlage der Wolfenbütteler Handschrift.* Giessen, 1990. Bd. 4. Lief. 15–17. S. 13–190 и др.) и серию исследований В. В. Калугина о литературном творчестве А. М. Курбского и его волынского кружка (*Калугин В. В. Андрей Курбский и Иван Грозный: (Теоретические взгляды и литературная техника древнерусского писателя).* М., 1998 и др.).

² Как будет показано в нашей работе, это закрепившееся в науке название сложилось на поздних этапах развития «сборников Курбского». Чаще всего мы пользуемся его сокращенным вариантом *История* или, на наш взгляд, наиболее близким к протографу рукописной традиции «История о князя великого московского делех».

Э. Л. Кинан писал, что такие значительные тексты, как Первое послание Ивана Грозного и *История Курбского*, «бытуют в нескольких редакциях (из которых некоторые до сих пор не публиковались), в которых сотни вариантов все еще борются за статус “авторского текста”»³. Из текстов Курбского в составе «сборников Курбского» в настоящее время детально изучены, благодаря трудам А. А. Зими́на, Ю. Д. Рыкова, Э. Л. Кинана, Д. К. Уо, Б. Н. Морозова, текстовые реалии Первого послания Курбского. Благодаря работам Я. С. Лурье, Э. Л. Кинана и Ю. Д. Рыкова в 1980—1990-е годы детально были рассмотрены списки Первого послания Ивана Грозного Курбскому. До *Истории*, с учетом всего известного комплекса списков, можно сказать, дело не дошло, если не считать работ Ю. Д. Рыкова, К. А. Уварова и Э. Л. Кинана, в которых, впрочем, целью провести текстологический анализ различий всех известных списков ученые не задавались. И притом замечание американского специалиста об отсутствии научной публикации сочинений Андрея Курбского и Ивана Грозного гораздо острее звучит применительно к *Истории*, поскольку все существующие ее издания более или менее полно отражают реалии только одной редакции, а как будет показано ниже, фактически одного, и иерархически позднего, вида. Остальные группы изучены хуже и малодоступны для научной дискуссии.

Методика текстологического исследования больших рукописных традиций сборников сложного состава остается почти неразработанным вопросом. Большие объемы текста, многочисленность и разнообразие списков и различий требуют использования выборки. Сравнение слово за словом всех известных списков, а затем архетипов отдельных их групп потребует многих лет совместной работы ряда ученых. В перспективе только такая работа окажется плодотворной для детальных таксономических и генетических построений. Однако в науке имеется опыт создания статистически вероятных концепций формирования рукописной традиции, когда основой концепции оказывается выборка различий. В. И. Буганов и А. А. Зимин в связи с этим отмечали:

В случаях, когда исследователь работает с большим по объему памятником, имеющим давнюю рукописную традицию (скажем, типа «Сказания о Мамаевом побоище», «Просветителя» Иосифа Волоцкого, «Истории о великом князе Московском» А. М. Курбского и др.), необходима разработанная и научно обоснованная система анализа с помощью «шурфов». Сейчас же эти «шурфы» изобретаются каждым исследователем на свой страх и риск⁴.

Проблема изучения Сборника Курбского как единого целого усложняется тем, что текстологические выводы об *Истории* или ее частях могут оказаться бездоказательными для истории других разделов Сборника и даже для других разделов *Истории*, если в одной рукописи сведены несходные виды ее текста. Поэтому применимость «шурфов» напрямую зависит от установления кодикологических «швов» рукописей и решения вопроса о «контролируемости» рукописной тради-

³ Keenan E. L. Apocryphal — Not Apocryphal? — Apocryphal! // Canadian-American Slavic Studies. 1982. Vol. 16. № 1. P. 96.

⁴ Буганов В. И., Зимин А. А. О некоторых задачах специальных исторических дисциплин в изучении и издании письменных памятников по истории русского средневековья // ИСССР. 1980. № 1. С. 117—131, здесь с. 127.

ции переписчиками в случае каждой отдельной рукописи. Этими задачами — хотя не только ими — объясняется наше усложненное описание рукописей, включающее сведения об их местонахождении, формате, фолиации и листовом наборе, переплете, записях писцов и читателей, экслибрисах, печатях и других знаках принадлежности и визирования, сигнатурах и тетрадном наборе, водяных знаках бумаги, почерках, чернилах, разметке рабочей страницы, составе текстов и индивидуальных различиях в подгруппе, условиях возникновения, хранения и использования вплоть до попадания рукописей в нынешние хранилища. От результатов этих *de visu* наблюдений за особенностями рукописных сборников зависят важнейшие аспекты нашей работы, и в первую очередь кодиколого-текстологический.

Кодикологическое исследование открывает путь в историю книжной культуры и самих рукописей в разнообразных культурных контекстах. История книжной культуры имеет свои традиции в мировой науке. Как показал Альфонс Дэн, история рукописной книги предполагает изучение обстоятельств копирования, а вместе с ними культурных навыков и психологии переписчиков, условий бытования и — если так случилось — исчезновения книги. Кодикология связана с историей текстов, в свою очередь охватывающей множество историко-культурных проблем: «Имея постоянные пересечения с соседними дисциплинами, история текстов тяготеет к тому, чтобы слиться с историей мысли, историей вкуса и впечатлений, историей университетского образования, историей письма, историей библиотек или историей как таковой»⁵. Историческая проблематика, сформированная в рамках кодикологии, в культурной антропологии пополнилась интерпретациями рукописного и печатного дела, визуальных техник оформления книги, книгопродажи и книжного рынка, библиотечного дела и книжного коллекционирования, авторства и иных форм присвоения книг, чтения и читательских аудиторий⁶.

Трудности при изучении книжной традиции Сборника Курбского ждут нас в понятийном аппарате исследования. В первую очередь необходимо обратиться к языку текстологии и кодикологии. Одна из проблем заключается в том, что при исследовании Сборника Курбского сам «текст Сборника Курбского» выступает в роли искомого⁷. Предстоит выяснить, в каком виде бытовали *тексты* в составе «сборников Курбского» и было ли собрание каких-либо текстов из «сборников Курб-

⁵ Dain A. Les manuscrits. Paris, 1964. P. 18.

⁶ См., например: Луннов С. П. Актуальные проблемы изучения истории книги в России периода феодализма // Книга в России до середины XIX века. Л., 1978. С. 11–24; Мигонь К. Наука о книге. Очерк проблематики / Пер. с польск. О. Р. Медведевой, В. В. Мочаловой, Р. Н. Смирновой. М., 1992. С. 85–129; Кашианов С. М., Столярова Л. В. О предмете и задачах кодикологии и ее месте среди других специальных исторических дисциплин // Средневековая Русь. 2000. Вып. 3. С. 222–231; Васильев В. И. История книжной культуры как научное направление отечественной истории и книговедение // Книга. Исследования и материалы. М., 2004. Сб. 82. С. 5–24.

⁷ Мы допускаем логический «скачок», определяя в качестве своего предмета исследования то, что требует предварительного обоснования в этом качестве. Но в известном смысле вся дальнейшая работа будет обоснованием выбранного предмета. Поэтому здесь оговоримся, что мы исследуем Сборник Курбского, но лишь к концу и в результате нашего исследования попытаемся обозначить, что именно и в каком смысле можно называть Сборником Курбского.

ского» в замысле А. М. Курбского или того, кто выступал от его лица. В историографии тексты Сборника Курбского часто рассматриваются независимо друг от друга, и может сложиться впечатление, что такое положение дел вполне оправданно. Книги, получившие кабинетное название «сборников Курбского», в книжной культуре обычно составляют комплекс, который объединяет *части* рукописных традиций *Истории*, Переписки Ивана Грозного с Курбским, литовских посланий и переводов Курбского, ряда других текстов, записей писцов и глосс. В науке нет устойчивого понимания «традиционного состава» Сборника Курбского, поэтому нечетко определен и круг рукописей, входящих в данный комплекс. Однако если не считать случаев обособленного бытования *Истории*⁸ или ближайшего к ней окружения (I—III Посланий Курбского царю)⁹, можно предварительно определить «сборники Курбского» как рукописи с *Историей*, письмами и переводами князя А. М. Курбского в составе¹⁰. В наиболее «полном» и «чистом» виде комплекс сочинений князя Андрея Михайловича представлен в сборнике ОР ГИМ собр. А. С. Уварова № 301, который далее мы будем условно считать инвариантом Сборника Курбского (СК)¹¹.

На протяжении столетия традиция «сборников Курбского» остается закрытой: при копировании переписчики пользуются одним протографом, при необходимости его редактируя. Только в эпоху Екатерины II — и по ее личному распоряжению — предпринимается попытка составить сводный текст на основе двух списков. Однако текстологическая работа Екатерининского кружка еще несколько десятилетий не имела продолжателей, несмотря на быстрый рост интереса к личности Ивана Грозного и сочинениям Андрея Курбского. Н. М. Карамзин считал необходимым поиск исправных списков сочинений Курбского, опираясь в собственном труде на результаты своего личного предпочтения в выборе лучших чтений. Особняком в этой археографической истории стоят разыскания В. Ф. Тимковского, которому не удалось довести историко-биографическую и текстологическую работу до финала, но удалось наметить пути для последующих исследований. Закрытость рукописной традиции Сборника Курбского в первые десятилетия его бытования облегчает текстологическую работу, позволяет искать и во многих случаях обнаруживать конкретные источники или довольно выразительные следы недошедших источников сохранившихся списков.

⁸ Сб. РНБ, собр. СПбДА № 309 (до повреждений рукопись могла включать и другие сочинения «сборников Курбского»). Выписки из *Истории* должны рассматриваться в связи с теми традициями, к которым их текст наиболее близок. Ниже будет показано, что особых редакций Сборника Курбского Панинские / Титовские, Нечаевские / Эрмитажные, Кабинетские «фрагменты» не образуют. Это отрывки из разных, и только отчасти совпадающих, участков текста Сборника Курбского. Как мы увидим, во всех этих случаях может быть установлена принадлежность отрывка к той или иной ветви рукописной традиции.

⁹ Архив СПбИИ РАН. РС. Ф. 36 (Воронцовы). Оп. 1. № 645.

¹⁰ Случаи обособленного от «сборников Курбского» бытования в рукописной традиции писем Курбского литовским корреспондентам, «Истории осьмого собора», содержащихся в «сборниках Курбского» переводов поучений Иоанна Златоуста и «Церковной истории» Евсевия Памфила до сих пор не известны.

¹¹ Только ссылки на листы этой рукописи обозначаются литерой f с указанием номера лицевой и оборотной сторон листа, соответственно, например, f 1 и f 1v.

Еще одна трудность кроется за представлением о тексте как о произведении, выраженном «в формах *языка*»¹². С одной стороны, выводы о взаимосвязях между кодексами часто с большей убедительностью достигаются помимо языка — в структуре распределения знаков по тетрадам и страницам, элементах декора, графике, расположении глосс, других «случайных» обстоятельствах копирования и чтения. Текст дан для исследователя скорее как набор кодов, каждый из которых может быть рассмотрен как особый язык. Каждая из «форм» оказывает, по словам Дональда Фрэнсиса МакКензи, свое влияние на «смысл» и складывается в то общее, что определяет само понятие текста в культуре¹³. Рукописные и печатные книги

суть объекты, формы которых предполагают если не смысл содержащихся в них текстов, то по меньшей мере способы применения, которые могут их окружать, и способы их усвоения, которые могут в них ощущаться. Произведения, дискурсы существуют лишь с того момента, когда они становятся физической реальностью, когда они вписаны на страницы книги, переданы голосом, который читает или рассказывает, даны для восприятия на сцене театра. Понять принципы, которые управляют «порядком дискурса», предполагает, что со всей строгостью будут дешифрованы те, кто основывает процессы производства, коммуникации и рецензии книг (и других объектов, которые несут письмо)¹⁴.

С другой стороны, язык — открытая символическая система, и текст «*всецело символичен*»¹⁵. Признание текста символическим полем предполагает включение в область текстологии реалий его наложения на носитель, оформления, прочтения взглядом, произнесения, истолкования. Дэвид МакКитерик, исследуя воздействие книгопечатания на представления о «тексте», обращает внимание на «текущую природу текста», позволяющую ему существовать во «множестве форм»¹⁶. Текст, согласно Роже Шартье, конструируется на пересечении своих «перформаций» и «апроприаций». Перформативным является каждое конкретное воспроизведение текста на материальном носителе — в рукописных кодексах, выписках, публикациях и т. д. Под апроприацией понимается социокультурная практика восприятия и осмысления текста на материальном носителе: воспроизведение вслух или «про себя», сегментация, грамматика, сравнение с другими текстами¹⁷.

Текст меняется в ходе развития рукописной традиции, наделяется новыми смыслами при чтении и копировании. Исследование возникающей при этом книж-

---

¹² Лихачев Д. С. Текстология (на материале русской литературы X—XVII вв.) / При участии А. А. Алексеева, А. Г. Боброва. 3-е изд., перераб. и доп. СПб., 2001. С. 129.

¹³ McKenzie D. F. Bibliography and the Sociology of Texts. The Panizzi Lectures 1985. London, 1986. P. 4; Chartier R. Au bord de la falaise: L'histoire entre certitudes et inquiétude. Paris, 1998. P. 255—268; Шартье Р. Письменная культура и общество / Пер. с фр. и послесл. И. К. Стаф. М., 2006. С. 231; McKittrick D. Print, Manuscript and the Search for Order, 1450—1830. Cambridge, 2004. P. 18.

¹⁴ Chartier R. L'ordre des livres. Lecteurs, auteurs, bibliothèques en Europe entre XIVe et XVIIIe siècle. Aix-en-Provence, 1992. P. 8—9, см. также р. 15—16, 21—22.

¹⁵ Текст как методологическое поле (*un champ méthodologique*), по словам Р. Барта, «ощущает-ся только в процессе работы, производства. Отсюда следует, что Текст не может неподвижно застыть (скажем, на книжной полке), он по природе своей должен *сквозь что-то* двигаться — например, сквозь произведение, сквозь ряд произведений» (Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Пер. с фр. М., 1994. С. 415, цитата в тексте см.: с. 417).

¹⁶ McKittrick D. Print, Manuscript... P. 23.

¹⁷ Шартье Р. История и литература // Одиссей. Человек в истории. 2001. М., 2001. С. 162—175.

ной традиции начинается с филиации списков и составления «досье рукописного свода»¹⁸. В генетической критике было предложено понятие «авантекст», обозначающее результат выявления «той логической системы, которая организует рукописи»¹⁹. Рукописная традиция представляет собой «авантекст», который во всей своей полноте подлежит научному прочтению во всевозможных конфигурациях его построения²⁰.

При этом «идеальный» текст, складывающийся в воображении переписчика, оказывается одним из тех контекстов, из которых возможно сложить вариативное представление о рукописной традиции. В поисках «идеального текста» мы продвигаемся по герменевтическому кругу от воображения человека за текстом — к тексту в его историко-культурной данности, в его конкретной перформации — к рукописной традиции как единому тексту — и обратно²¹. Путь от текстов «сбор-

¹⁸ *Биази де, П. М.* К науке о литературе: Анализ рукописей и генезис произведения // Генетическая критика во Франции: Антология. М., 1999. С. 69. В археографии части целого такого досье иногда определяются как «реально существующие документы» (в нашем случае рукописи), а каждый из «источников текста» (в нашем случае списки) признается полноправным участником археографических манипуляций (*Добрушкин Е. М.* Основы археографии. М., 1992. С. 108, 111, 115—116).

¹⁹ *Биази де, П. М.* К науке о литературе... С. 65—66. Категория «авантекст» предложена Жаном Бельмен-Нозлем в эссе 1972 г. «Текст и авантекст» и определяется как «собрание черновиков, рукописей, версток, «вариантов», которые материально предшествуют произведению, рассматриваемому как текст, и могут образовать с ним единую систему» (цит. по: *Грезийон А.* Что такое генетическая критика? // Генетическая критика... С. 43. Прим. 27; см. также: *Бельмен-Нозль Ж.* Воссоздать рукопись, описать черновики, составить авантекст // Генетическая критика... С. 94, 98—102). Пьер-Марк де Биази пишет: «Авантекст не есть свод рукописей, но выявление той логической системы, которая организует рукописи. Авантекст не существует вне аналитического дискурса, который, собственно, его и порождает, и потому авантекст зависит в первую очередь от компетенции генетического критика, который занимается его составлением, используя результаты анализа рукописей» (*Биази де, П. М.* К науке о литературе... С. 66). См. также: *Неклюдов С. Ю.* Авантекст в фольклорной традиции // *Живая старина*. 2001. № 4. С. 2; *Данилевский И. Н.* Повесть временных лет: Герменевтические основы изучения летописных текстов. М., 2004. С. 52.

²⁰ Отличие авантекста генетической критики от рукописной традиции в том, что предметом для генетистов служат черновики, отражающие зарождение и рождение авторского текста. В нашем случае имеет смысл говорить об археографическом авантексте как опыте воссоздания движущегося текста во всем многообразии его перформаций. В этом смысле рукописная традиция является скорее апретекстом (от фр. *après-texte* — *после текста*), однако для средневековой рукописной традиции это различие, видимо, непринципиально, поскольку проблемы канонического текста и авторской воли вплоть до Нового времени приглушены даже в отношении сакральной книжной традиции, а стабильные тексты воссоздаются исследователями-археографами не только в прогрессии от источника текста к тексту, но и в рецессии, в «обратной перспективе», от типов к прототипу. При этом археографический памятник, подготовленный на основе генетического досье, претендует на то, чтобы быть авторским текстом, по отношению к которому подводящая к нему рукописная традиция сопоставима с черновиками. Специфика апретекста все же в том, что каждый из «черновиков» археографической реконструкции должен рассматриваться не как «свидетельство авторской правки, в котором непосредственно прослеживается работа над произведением на *стадии его зарождения*», а как поле взаимодействия авторского сознания, каллиграфического мастерства переписчиков, читательского опыта редакторов и археографических исследовательских практик (о черновиках ср.: *Биази де, П. М.* К науке о литературе... С. 61; *Бельмен-Нозль Ж.* Воссоздать рукопись... С. 95—98, 102).

²¹ Д. С. Лихачев настаивал на понимании текстологии как науки, имеющей дело «с человеком, стоящим за текстом»: «И чем конкретнее окажется этот человек, чем больше у него будет индивидуальных особенностей, отложившихся в тексте, тем достовернее выводы текстолога»

ников Курбского» к Сборнику Курбского как произведению пролегал через построение филиации Сборника Курбского как единой символической системы, тогда как обратный путь будет опытом истории чтения отдельно каждого из «сборников Курбского» в его отличии от ближайшего архетипа. Ни в одном из этих направленных исследований нашей конечной задачей не будет реконструкция «идеального» текста как такового. В том комплексе рукописных артефактов, которые в традиционной археографии считались бы «источниками текста», невозможно обнаружить точку опоры до тех пор, пока не представлены вероятностные решения проблем генетики всего рукописного корпуса.

Кодикологическое исследование рукописной традиции не ограничивается проблемами филиации рукописных книг. Следующий шаг подобного исследования обязательно совершается в историю книжной культуры — чтения и восприятия текстов, исторической и литературной памяти, инфраструктуры и социальных параметров читательской аудитории. Чтение, как показывают исследования в области книжной культуры, является как потреблением, так и производством книжной продукции, оно организует визуальные структуры книги, наделяет их смыслами, позволяет книге участвовать в социальной жизни²². Сборник Курбского, судя по количеству и распространению его списков, был востребован. Кто же читал его? Это, конечно, был не «массовый» читатель. Литературные вкусы, идеологические, религиозные соображения, а к началу XIX в. научные поиски приводят к глубоким изменениям текстов Сборника и всего текста Сборника как целого. Установив основные вехи в развитии рукописной традиции, мы вправе задаться вопросом: как от списка к списку и от редакции к редакции происходят изменения этого текста? Особой редакцией может оказаться текст, отличающийся несколькими знаками от своего протографа, если замены произведены из каких-то соображений, свидетельствующих о новом замысле. Работа переписчика часто была автоматическим копированием, но и в таком случае книга попадала в интеллектуальные круги, где открывалась своему читателю особым способом. Отчасти восприятие было предопределено единством кодикальных, изобразительных, языковых символов, то есть книгой как таковой, книгой на определенной стадии филиации; отчасти читатель привносил свои ожидания, идеалы, знания, ментальные категории в процесс чтения, о чем, как правило, не остается никаких сведений.

(Лихачев Д. С. Текстология. С. 62, 99 и др.; см. также: Данилевский И. Н. Повесть временных лет... С. 50–51). Проблема, должно быть, усложняется тем, что индивидуальные черты книжника выявляются на фоне архетипа. Преодолевая это препятствие, мы могли бы обратиться к герменевтическому истолкованию отдельных контекстов всей рукописной традиции в том «круге понимания», о котором писал Г. Г. Гадамер. Стремление исправить текст или увидеть в тексте преобразование исходит из «предвосхищения совершенства» (Гадамер Г. Г. О круге понимания // Он же. Актуальность прекрасного / Пер. с нем. М., 1991. С. 78). Текст может быть скопирован без его осмысления как литературного целого, однако в узких контекстах герменевтическая работа осуществляется и в момент «бездумного» копирования. Исследователь рукописной традиции, настраивая свое понимание, стремится реконструировать представление дикторов, писцов, оформителей и т. д. о совершенном тексте, при том что каждый искомый Ur-Text — антиграф, протограф, оригинал — мог не быть «совершенным» ни в одном из установленных смыслов.

²² Histoire de l'édition française. Le livre conquérant: Du Moyen Âge au milieu du XVIIe siècle / Sous la dir. de R. Chartier, H.-J. Martin. Paris, 1989. P. 12–13.

Даже незначительные подобные сведения заслуживают нашего внимания. Никонианское написание сакральных слов в рукописях свидетельствует о переработке текстов верующим по новому обряду; труднее ответить, что означает, если в рукописи сохраняются дониконианские формы «ӣс̄с», «во веки веком» и т. д. — значит ли это, что Сборник копируется в старообрядческих кругах, или копии лишь сохраняют формы дореформенного протографа? Можно ли считать, что перед нами скрытый памфлет против верховной власти, когда компилятивная повесть Евфимия Чудовского перерабатывает текст *Истории* Курбского с явным подтекстом борьбы против царского «женонеистовства», то есть сексуальной распущенности царя? Выражен ли протест редактора Барсовского вида против представителей власти заменой титула «короля» на «царя» в рассказе *Истории* о разгульной и безалаберной жизни при дворе Сигизмунда II Августа? Когда царь Иван в Архивском № 558 заявляет своим воеводам: «Ныне обранил ся Бог от вас!», — значит ли это, что переписчик вложил царю в уста заявление о равенстве царя Богу, или вследствие описки, случайно, произошла замена «мя» на «ся»? В том же сборнике переписчик несколько раз пишет «сирѣнь» вместо «сирѣчь» — это ошибки копирования или литературная игра? Почему редактор Барсовского № 366, видя глоссу «с Рюрикомъ» к германизму «со Герикомъ», считает основное чтение ошибочным и исправляет его на вариант глоссы — он противник немецкой версии происхождения Рюриковичей или непонятливый читатель? Как быть с обмолвками списка Вяземских № 6040, когда вместо «посулы грабити» появляется «палубы грабити», а на месте чтения «простых людей верующих во Христа» оказывается вариант «противных людей верующих во Христа»? Подобные вопросы, к сожалению, имеют дело с зыбкой материей, поскольку переписчику свойственно ошибаться, спешно подыскивать для испорченного чтения протографа непритязательную эмendaцию, придерживаться собственных стилистических и переводческих предпочтений. В целом, можно было бы ожидать, что копирование такого пространного и наполненного многочисленными подробностями текста, как Сборник Курбского, — не лучший способ для переписчика осуществлять изысканные идеологические замыслы. И чаще всего мы встречаемся в списках с примерами старательного копирования.

С другой стороны, социальные смыслы распространения списков Сборника Курбского нуждаются в дальнейшем исследовании. До последних лет царствования Петра I Сборник копировался главным образом для библиотек знати и высших слоев духовенства. Однако нет сомнений, что среди его первых читателей — дворянин средней руки историк и переводчик Андрей Лызлов, справщик Печатного двора Федор Поликарпов, монахи и священники региональных монастырей и храмов. Обратная проблема в том, что когда списки Сборника попадают к представителям социальных низов, они как будто теряются для дальнейшей трансляции, часто не оставляя после себя известных ныне копий. Читательские круги позволяют представить фреймы восприятия текста, даже если мы не обнаруживаем следов чтения ни в самих рукописях, ни в других источниках. В этом ракурсе текст Сборника Курбского в его определенном виде, оказавшись в библиотеке рядом с другими книгами или сам по себе, становится источником по истории самосознания своих читателей и владельцев.

Известность князя Андрея Михайловича поддерживалась за счет распространения его переписки с Иваном Грозным. Сборник Курбского уже в момент своего

появления в российской рукописной традиции создал альтернативу официальным источникам по истории Ивана IV. В качестве исторического пособия и источника Сборник вызывал интерес у тех, кому правление этого царя и судьба его подданных были небезразличны. Возникший в третьем и последующих изводах Сборника «конвой» из историографических и эпистолярных текстов также сконцентрирован вокруг личности Ивана Грозного и московской тирании. Полонизированный язык поздних сочинений А. М. Курбского был актуален для русской знати конца XVII — начала XVIII в. уже по той причине, что польская культура оказывала воздействие на самосознание русского шляхетства, а рыцарские идеалы князя-эмигранта были уместны в обстоятельствах открывшегося противостояния с ненавистной для писателя второй половины XVI в. Османской империей. Церковь отнеслась к сочинениям Курбского более чем снисходительно. Авторитет православного историка, рассказавшего в подробностях о тирании царя Ивана, мог только повыситься после 1652 г., когда царство в лице царя Алексея Михайловича признало свою вину в гонениях на церковь и убийстве митрополита Филиппа. Переводы Курбского уже в 1660-е годы вошли в московский печатный «Маргарит». Сборник Курбского, призывающий к чистоте православия и целомудрию царского престола, в нескольких версиях хранился в конце XVII — XVIII в. в книжных собраниях российского белого и черного духовенства.

Копирование Сборника имело привкус «литературного скандала». Показательны цифры: на сегодняшний день известно 85 рукописных списков Сборника Курбского в 81 рукописи, еще 20—30 недошедших списков реконструируются специальными текстолого-кодицистическими методиками, еще около 40 его рукописных рефлексов обнаруживаются в книжности с конца XVII в. Сами масштабы копирования этого сборника могут быть истолкованы как знак участия Курбского в жизни российской Литературы и Общества. Информация, собранная князем, не находила аналогов в официальных русских текстах о времени Ивана Грозного. Брошенный Курбским вызов тирании иногда воспринимался как вызов власти как таковой. Особенно заметными такие подтексты становились в эпохи, когда возрастало противостояние между властью и оппозицией. В 1690-е годы в чудовском окружении возник тираноборческий текст на основе *Истории* Курбского. Переработку *Истории* в Панинском виде Сборника отличает тенденция устранять подробности военной истории, сохраняя разделы о казнях и гонениях. Списки Сборника хранились в библиотеках Василия Васильевича и Дмитрия Михайловича Голицыных, причем именно их списки «тиражировались» наиболее активно. Неслучайны замечания Екатерины II на полях рукописи Сборника, запреты на публикацию сочинений Курбского, выступления «Курбского» против тирании в трудах историков М. М. Щербатова, Н. М. Карамзина, В. Ф. Тимковского и в литературных опытах А. С. Пушкина и декабристов.

От рукописного этапа бытования Сборника Курбского мы переходим в период изданий и историографических обобщений. Публикации и интерпретации объединены археографическим осмыслением текста и, в случае больших рукописных традиций, как правило, регламентируют чтение иерархиями списков, создавая археографические режимы восприятия рукописной традиции²³. Археографические

²³ Понятие «режим» для наших целей может быть заимствовано у Мишеля Фуко. Под археографическим режимом мы понимаем набор издательских техник, призванных «подготовить текст»,

режимы выполняют дисциплинарную функцию — выстраивают и синхронизируют филиацию чтений, направляют исследовательские контексты соседством с другими источниками в сериях или отдельных изданиях, формируют «образы источника» в историографии предисловиями, комментариями, историографическими экскурсами и т. д.²⁴ Как отмечает С. В. Чирков: «важнейшая функция археографии — превращение памятника в источник познания для истории общества и истории культуры»²⁵.

Сборник Курбского в различных его разделах издавался многократно, и всякий раз археографическая работа оживляла интерес к чтению, формировала и направляла читательские практики. В связи с этим в центре нашего внимания постоянно будут издания и их прочтения. Особое внимание уделяется в книге двум каноническим изданиям, выполненным на высоком археографическом уровне и ставшим — каждое в свое время — шагом вперед в эдиционной технике: «Сказаниям Князя Курбского» Н. Г. Устрялова и «Сочинениям князя Курбского» Г. З. Кунцевича.

Издания участвуют в перераспределении означающих, принимаемых историографией в качестве показателей регулярного памятника. Такие денотаты, как «сказания князя Курбского», «сочинения Курбского», «сборники Курбского», не заданы в объектном мире и не имеют устойчивой референции, эта референция воссоздается и перераспределяется археографом, а лишь затем формируются смыслы, превращающие памятник в документальный источник. Дискуссия, начавшаяся вокруг Переписки Ивана Грозного с А. М. Курбским в исторической науке в конце 1950-х годов, привела к проблематизации самой Переписки как памятника. Утрата знаковой стабильности памятника вывела исследование рукописных сборников с текстами Курбского на уровень археографических интерпретаций. В обстоятельствах, когда мы не знаем наверняка, какими были сочинения Курбского как целое в момент создания Сборника Курбского, но знаем, как представляли себе это целое на протяжении четырех столетий развития литературного корпуса Курбского, нам предстоит подойти к рукописной традиции с вопросами историографа, а к историографии — с точки зрения археографа.

Идейно-концептуальные особенности «Истории о князя великого Московского делех», сюжет, поэтика, информация Сборника Курбского внимательнейшим

оформить его в соответствии с представлениями издателя о «правильном» тексте и теми «дисциплинарными» практиками, которые позволяют организовать доступные для издателя чтения в таксономическую систему или филиацию, чтобы прийти к «правильному тексту».

²⁴ Образы источника формируют его как «памятник», в то время как историография превращает его в «документ». Различие между этими двумя понятиями, также восходящее к *археологии знания* М. Фуко, еще и в стадиальности. До возникновения археографии проблематично — и требует в нашем случае постоянной проблематизации — превращение списков *текста* в документ как освоенное читателем единство перформативных структур и читательских практик. Проблематизируя процесс воссоздания памятника и документа до археографии, мы подразумеваем, что исследование Сборника Курбского до археографии обращено к читателю каждой рукописи, а в археографический период — к посреднику между рукописями и читателями и к практикам чтения как освоению предзаданного памятника, который служит фундаментом для его осмысления в качестве документа.

²⁵ Чирков С. В. Археография в творчестве русских ученых конца XIX — начала XX века. М., 2005. С. 7.

образом изучались, вызывали и продолжают вызывать не меньшие споры, чем произведения Ивана Грозного. И все же существует диспропорция в осмыслении образов неразрывных персонажей: коронованному оппоненту князя Андрея Михайловича посвящено так много только историографических очерков²⁶, что почти полное отсутствие таковых в случае с Курбским может стать темой специальных размышлений²⁷.

Нас будет интересовать в первую очередь то, как интерпретации рукописных текстов от реконструкции архетипа и до определения границ достоверности источника воздействовали на складывание историографической ситуации вокруг Сборника Курбского. Во-первых, в сферу исследования попадают вопросы археографии. Подготовка к изданию не является сугубо технической работой и во многом предопределяет восприятие источника в науке. Во-вторых, обратная связь историографических контекстов с археографией заставляет задаться вопросом, как на источнике — от его археографической обработки и до обстоятельств цитирования в научной литературе — сказываются формальная аргументация исследователей, идейные и идеологические подтексты прочтений, поэтика историографии²⁸.

²⁶ Среди историко-историографических работ об Иване Грозном см.: *Norretranders B.* Ivan den Skraekkelige i russisk tradition (Studier fra Sprog- og Oldtidsforskning, udg. af det filologisk-historiske samfund № 230). Kobenhavn, 1956; *Bolsover G. H.* Ivan The Terrible in russian historiography // Transactions of the Royal Historical Society. 5 series. L., 1957. Vol. 7. P. 71–89; *Зимин А. А.* Опричнина. 2-е изд. М., 2001. С. 22–64; *Hellie R.* In Search of Ivan the Terrible // *Platonov S. F.* Ivan the Terrible / Transl. J. L. Wiczynski. Gulf Breeze, 1974. P. IX–XXXIV; *Keenan E. L.* Vita: Ivan Vasil'evich, Terrible Czar; 1530–1584 // Harvard Magazine. 1979. Vol. 80. № 3. P. 48–49; *Crummey R. O.* Ivan the Terrible // Windows on the Russian Past / Ed. S. H. Baron, N. W. Heer. Columbus, 1977. P. 391–403; *Idem.* Reform under Ivan IV: Gradualism and Terror // Reform in Russia and the U.S.S.R. Past and Prospects / Ed. by R. O. Crummeu. Urbana, Chicago, 1989. P. 12–27; *Каравашкин А. В.* Концепция человека и способы изображения исторических лиц в посланиях Ивана Грозного: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1991. С. 10–48; *Хорошкевич А. Л.* Опричнина и характер Русского государства в советской историографии 20-х — середины 50-х годов // ИСССР. 1991. № 6. С. 85–100; *Она же.* Александр Александрович Зимин и его книга «Опричнина Ивана Грозного» // *Зимин А. А.* Опричнина. 2-е изд. М., 2001. С. 5–17; *Hunt P.* Ivan IV's Personal Mythology of Kingship // Slavic Review. 1993. Vol. 52. № 4. P. 769–809; *Богатырев С. Н.* Грозный царь или грозное время? Психологический образ Ивана Грозного в историографии // Russian History. 1995. Vol. 22. № 3. С. 285–308; *Platt K. M. F., Brandenberger D.* Terribly Romantic, Terribly Progressive, or Terribly Tragic: Rehabilitating Ivan IV under I. V. Stalin // The Russian Review. 1999. № 58. P. 635–654.

²⁷ *Рыков Ю. Д.* «История о Великом князе Московском» А. М. Курбского как источник по истории опричнины: Дис. ... канд. ист. наук. М., 1972. С. 7–35; *Вацуро В. Э.* «Сын Курбского» // Русское подвижничество. М., 1996. С. 159–169; *Шмидт С. О.* О «жестокости летописи кн. Курбского» // Проблемы истории, русской книжности, культуры и общественного сознания: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Е. К. Ромодановская. Новосибирск, 2000. С. 406–415; *Филлюшкин А. И.* Андрей Михайлович Курбский: Просопографическое исследование и герменевтический комментарий к посланиям Андрея Курбского Ивану Грозному. СПб., 2007. С. 123–160.

²⁸ *Уайт Х.* Метаистория. Историческое воображение в Европе XIX века / Пер. с англ. под ред. Е. Г. Трубиной, В. В. Харитоновой. Екатеринбург, 2002. В связи с тем, что основное внимание будет уделено не целым историографическим построениям, а лишь их элементам, здесь также может оказаться полезным понимание «метафоризации» в «классической» историографии В. Вжозек. — См.: *Вжозек В.* Историография как игра метафор: судьбы «новой исторической науки» // Одиссей. Человек в Истории. 1991. М., 1991. С. 60–61; *Wizosek W.* Metamorfozy metafor. Historiografia nieklasyczna w kręgu epistemologii historii // Historyka. Kraków, 1994. T. XXIV. S. 14–15, 22–23. Правда, с одной стороны, осмысление историками источника из его поэтики при изучении